

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОСТИ

Философское измерение

НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО.
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Х.Э. МАРИНОСЯН

*БУДУЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В ЭПОХУ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ НАХОДИТСЯ В ПРОСТРАНСТВЕ
ПРАКТИЧЕСКОЙ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-
ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ.*

- Сохранятся ли классические западные нации?
 - Те же ли это будут «нации»?
 - Кто и как будет поддерживать основы порядка в усложняющемся *полиэтническом поликонфессиональном* обществе?
 - Кто и как будет противодействовать этническому и религиозному экстремизму в складывающейся новой реальности?

Вопрос о судьбах национального государства в эпоху глобализации представляет не только академический или политико-идеологический интерес. Он имеет значение для подавляющего большинства населения планеты. Казалось бы, формирование международных рынков, «свободное движение» капитала, увеличение потоков информации, мигрантов и туристов, образование «транс», «интер» и «над» национальных финансовых, экономических и политических институтов должны были бы сплотить народы и страны в некую глобальную целостность. Но вскоре стало очевидным, что глобализация, вызывая противодействие, не только не разрушает, но и консервирует и, более того, во многих случаях развивает сложившуюся планетарную иерархию народов и наций. Противоречия между различными этно-

сами, нациями, государствами, между национальными государствами и международными властными структурами, между крупнорегиональными сообществами, между межгосударственными стратегическими объединениями и блоками не исчезают, а обостряются. Процессы глобализации в финансово-информационной сфере вторгаются в область прерогатив национальных государств, а ее очевидные, прежде всего экономические, преимущества для нескольких развитых стран для многих других оборачиваются значительными потерями, вызывая защитную реакцию противодействия и формируя так называемые асимметричные угрозы.

Вполне очевидно: глобализация не принесла с собой ни согласия, ни тем более глобального порядка. А все попытки упорядочивания системы международных отношений на принципах равноправия порождают лишь эскалацию хаоса и насилия. Поэтому З. Бауман называет глобализацию «новым мировым беспорядком»¹. По его мнению, локальные действия имеют глобальные последствия, но средства для осуществления действий глобального регулирования отсутствуют. З. Бауман констатирует бессилие институтов, которые призваны создавать и обеспечивать мировой порядок, в ряду которых национальным государствам, когда-то, отводилась решающая роль². Некоторые даже определяют сущность глобализации через утрату полномочий национальным государством. Каким будет его будущее в «эру глобализации»?

Если вспомнить о решающей роли национального государства в формировании наций, возникает целый комплекс неопределенностей. Сохранятся ли классические западные нации, либо пойдет процесс диверсификации по регионам, сначала — окраинным? Те же ли это «нации», если существенный процент населения государств приходится на натурализованных иноэтничных мигрантов и мигрантов второго поколения, прибитых волнами глобализации к европейскому берегу и прочно осевших на нем? Кто и как будет поддерживать основы порядка в усложняющемся полиэтничном поликонфессиональном обществе, противодействовать этническому и религиозному экстремизму не только в виде потенциальной террористической угрозы, но

и в его повседневной реальности? Ни на один из этих и также многих других вопросов нет точных ответов.

Будущее национального государства находится в пространстве практической и интеллектуально-теоретической неопределенности. Учитывая это, имеет смысл рассмотреть представленные в современном научном дискурсе основные оценки будущего национального государства в условиях современной глобализации, имея в виду, что в значительной мере их содержание, с одной стороны, определяется политико-идеологическими предпочтениями авторов, а с другой, — парадигмальными основаниями проводимых научных исследований, различия которых, соответственно, определяют и расхождения в выводах о судьбах национальных государств.

Теоретический дискурс о сущности, формировании и эволюции глобализации и национального государства крайне разнообразен и внутренне противоречив. Плюрализм и противоречия современного теоретического дискурса объективно предопределены, с одной стороны, многоаспектностью исследуемых феноменов, а с другой, — политической и социокультурной «нагруженностью» понятия «глобализация»: термина, который, проникнув на страницы печатных и электронных СМИ, стал предметом оживленных политических и идейных дискуссий, год от года обрастая новыми (в том числе противоречащими друг другу) идеологическими и культурными смыслами. Уже к концу 1990-х отмечал в совместной статье автор одной из первых фундаментальных концепций глобализации Р. Робертсон, что глобализация стала почти универсальным термином. В разных регионах, обществах и дисциплинах он имеет свой специфический смысл. Поэтому любая серьезная попытка писать о глобализации должна, по мнению Р. Робертсона и Х. Хондкера, включать в себя анализ сходств и различий между дискурсами о глобализации³. В этой связи авторы выделяют четыре типа дискурсов: цивилизационные (региональные), дисциплинарные (академические), идеологические и феминистские.

Разумеется, можно построить и иные типологии. Так, например, авторы фундаментального труда «Глобальные трансформации» Д. Хелд, Д. Гольдблатт, Э. Макгрю и Дж. Пerratон⁴ выделяют три «школы» в дискурсе о глобализации: «гиперглобалистов», «скептиков» и «трансформистов». Гиперглобалисты (П. Дракер, К. Омаэ, Дж. Сорос, Р. Райх и др.), основу взглядов которых составляет неолиберальная идеология, считают, что возникновение глобальной экономики, зарождение всемирных институтов управления и повсеместное слияние культур предвещают конец национального государства⁵. Для них государство всего лишь неэффективный менеджер. Эффективность понимается ими как снижение затрат, т.е. социальных издержек. Надо сказать, что представление о затратности здесь перевернуто с ног на голову. В европейской традиции давно сложилось понимание того, что демократическое государство как общественный институт ответственно за образование и социальную защиту граждан, за предоставление им условий для развития. Поэтому фактически в неолиберальном понимании затраты — это расходы на развитие человека. Так что представление о «неэффективном менеджере», конечно, не более чем идеологема. Но важнейшим реальным аргументом неолиберальных критиков государства является неподконтрольность для государственных институтов процессов свободного перетекания капиталов в глобальной экономике.

Они делают основной акцент на экономических преобразованиях, считая, что государственным институтам начинает отводиться роль посредников между наднациональными и субнациональными структурами. Сторонники наиболее радикальных взглядов утверждают, что существование государств не является необходимым даже для успешного функционирования демократии. Новый мировой порядок, с их точки зрения, должны обеспечить транснациональные корпорации, которые и вытеснят со сцены современные государства⁶.

Их оппоненты — *скептики* — напротив, не считают глобализацию новым феноменом и понимают под ней интеграцию мировой экономики, т.е. усиление взаимодействия между государственными экономиками. Они рассматрива-

ют глобализацию и регионализацию как две противоборствующие тенденции. Государственные институты, с их точки зрения, являются не «жертвами» интернационализации, а, напротив, ее творцами. В этом случае процесс интернационализации экономики — это не явление последних десятилетий. Государства еще более активно, чем сейчас, участвовали в нем в XIX веке, упрочняя свои позиции.

По сути, отмечает М. Ноженко, «обе школы исходят в своих рассуждениях из того, что глобализация как «идеальный тип» представляет собой полностью интегрированный мировой рынок»⁷. По ее мнению, основная разница между указанными подходами состоит в трактовке субъектов экономической глобализации: основными акторами формирования глобальной экономики гиперглобалисты считают транснациональные и субнациональные организации и институты, а скептики — национальные государства.

Наконец, представители третьей школы, *трансформисты*, считают, что глобализация является абсолютно новым феноменом. С их точки зрения, она представляет собой движущую силу всех современных изменений, в ходе которых осуществляется трансформация экономических и социально-политических границ. Одной из отличительных черт сегодняшнего мира, по их мнению, оказывается адаптация государств к новому миропорядку, в котором нет четкого разделения на внешнюю и внутреннюю сферы.

Так, по мнению Э. Гидденса, вследствие того, что современные государства теснейшим образом связаны с региональными и транснациональными политическими и экономическими группировками и корпорациями, границы современных государств теряют статус жестких демаркационных линий. Их, скорее, можно сравнить с «фронтами», отодвигаемыми по мере добровольного делегирования правительствами части полномочий в пользу наднациональных институтов и организаций⁸. Таким образом, глобализация ассоциируется с трансформацией, в том числе и государства⁹. Разделение авторов на гиперглобалистов, скептиков и трансформистов имеет полное право на существование. Однако называть направления, которые они представляют, «школами», было бы неправомерным. Ско-

рее, это теоретические позиции, границы которых — иногда явно, иногда подспудно — заданы идейно-политическими предпочтениями авторов: следованием либеральной, консервативной и марксистской традициям социально-политических исследований. Соответственно, пространство теоретических интерпретаций глобализации и ее последствий для национальных государств формируется работами неолиберального, консервативного (традиционалистского), неомарксистского и социал-реформистского (занимающего промежуточную позицию между неолибералами и неомарксистами) толка. Рассмотрим более подробно указанные позиции, имея в виду, что дискуссии о судьбе национального государства выстраиваются на основе взаимной критики их участников, а сама критика концентрируется преимущественно вокруг неолиберальных трактовок глобализации и ее последствий.

В национально-консервативной мысли вопрос о государстве, безусловно, занимает центральное место. С. Хантингтон утверждает, что национальные государства были, есть и будут¹⁰. Он вполне определенно высказывается в пользу необходимости сохранения национального государства для поддержания национальной идентичности¹¹. По мнению католического профессора из Германии М. Спикера, глобальные или макрорегиональные институты — это просто инструменты государственной дипломатии¹².

В свою очередь, будучи гиперглобалистами, представители неолиберального подхода (П. Дракер, К. Омаэ, Дж. Сорос, Р. Райх и др.) выступают против сохранения суверенитета национального государства в его нынешнем виде и намечают для государств перспективу стать местными органами глобальной системы. П. Дракер, например, считает, что в формирующемся глобальном обществе знаний и глобальной экономике складывается новая система ценностей, в которой национальному государству места не будет. По его мнению, национальное государство — отжившая форма, которая годилась для индустриального общества, но неприемлема для постиндустриального, в котором формирование управленческих институтов глобализации будет происходить не на государственной, а на корпоративной и сетевой основе¹³.

По мнению Дж. Сороса, доктрина суверенитета препятствует созданию эффективного международного механизма, способного не допускать падения уровня жизни и загрязнения окружающей среды. При этом Сорос совершенно произвольно изымает суверенитет из набора основных принципов классического либерализма, что явно противоречит историческим фактам¹⁴. Высказывания Сороса насчет того, что можно свободно взламывать национально-государственный суверенитет, исходя из тех или иных глобализационных соображений, получили в литературе название «доктрина Сороса».

Солидаризуясь с ней, К. Омаэ прямо прокламирует «конец национального государства» и называет приверженность ему «картографическими иллюзиями» и «ностальгическими фикциями»¹⁵. По его мнению, нужно ослаблять национальные государства, поскольку они мешают бизнесу. На место государственного суверенитета должен стать суверенитет потребителя. Государства мешают транснациональным корпорациям удовлетворять потребителей, у которых сформирована глобальная система предпочтений. Омаэ считает необходимым разрушение архаических национальных чувств, то есть социокультурных уз, которые мешают «подсесть» на потребление все новых и новых товаров, производимых ТНК, а государство, с его поддержкой национальной культуры как раз является гарантом поддержания национальной культурной среды. Как известно, важнейшей частью продукции ТНК, продвигаемой по всему миру, являются информационные технологии. В этом смысле совершенно не случайно, что компьютерные игры целенаправленно формируют привычку к пребыванию в фантастической реальности, в которой все возможно и можно задать любые системы условий.

Омаэ приветствует подобную виртуализацию сознания и то, что она приводит к выключению молодежи из потока социокультурной трансляции национального опыта предыдущих поколений. Однако, глобальных потребителей в мире не так много, и в неолиберальных построениях Омаэ содержится поэтому изрядная доля утопизма (по крайней мере, пока). Правда, утопизм сразу исчезает, когда у Омаэ заходит речь о том, что государство «должно». Оно должно со-

здавать удобную инфраструктуру и готовить работников для ТНК, которые, возможно, заинтересуются инвестиционными предложениями. Омаэ, естественно, признает, что средства на это государство должно извлекать из налогов от ТНК. Но, как известно, ТНК нацелены именно на уклонение от налогов, особенно в странах с развитым социальным сектором. Неолибералы любят бросать государственной системе обвинения в потворстве иждивенчеству, но для них самих это характерно в большей степени.

Г. Киссинджер считает позитивным как то, что глобализация подрывает основы суверенитета национального государства вследствие беспрецедентной ликвидности глобального капитала, так и то, что это не касается главного «проводника» глобализации — Соединенных Штатов. Важнейшим аргументом здесь оказывается то, сформировало ли государство нацию, или является «несостоявшимся». «Несостоявшееся» государство — потенциальный объект «гуманитарной интервенции» для США и других стран, отвергающих принцип невмешательства. Вместе с тем, Киссинджер осознает противоречие между безудержным стремлением капитала к прибыли и национально-государственной стратификацией политической реальности. Разделение на национальные сегменты — важнейшая характеристика политической реальности, что в свою очередь предопределяет ответственность правительств перед своим населением за уровень жизни. Правительство, идущее на низкий уровень жизни населения ради включения в глобальную экономику, не сможет удержаться у власти. Это еще один источник возможной нестабильности государств¹⁶.

Неолиберал Р. Райх обосновывает тезис об исчезновении в глобальной экономике такой реальности, как «нацио-нальное хозяйство», что обесмысливает самостоятельную экономическую политику национального государства. В книге «Труд наций» Райх ярко и аргументировано обосновывает тот факт, что в глобальных производственных системах любой их сегмент не имеет национально-государственной принадлежности и не подконтролен регулирующим усилиям государств, на чьей территории он находится¹⁷. Однако Райх, пожалуй, преувеличивает роль сетевых

структур, услуг, знаний и малых форм в современной экономике, которая продолжает оставаться корпоративной, но, как и прежде, во многом решает свои проблемы через те или иные государственные органы. Другое дело, что в новой экономике корпорациям стало удобнее выводить свои прибыли из-под государственного контроля, декларируя их в любой точке глобального потока, и прежде всего — в оффшорах.

В отечественной литературе критическую позицию по отношению к суверенитету национального государства занимают авторы неолиберальной ориентации В.Л. Иноземцев и С.А. Караганов. Они считают, что принцип национального суверенитета устарел, более того: его краткосрочное либо продолжительное ограничение будет способствовать преодолению экономических кризисов и финансовых катаклизмов¹⁸. В свою очередь, П.К. Гречко также уверен, что «национальный суверенитет отмирает», поскольку «исчерпал, выработал свой социально-исторический и политико-правовой ресурс»¹⁹. Здесь налицо явное стремление выдать желаемое за действительное. Если нужны меры для ограничения суверенитета, значит, он не отмирает, а вполне живуч, как и его субъект — национальное государство.

Между тем сохраняет влияние и течение социал-реформистской политической мысли, представители которого не согласны с тем, что национальное государство исчерпало свою роль в условиях глобальных трансформаций. Так, например, П. Хирст и Г. Томпсон подчеркивают, что государство продолжает оставаться единственным источником легитимности, и осуждают на этом основании глобалистскую риторику освобождения экономики от политики. Они не считают, что само по себе государство как институт ослабло, но признают, возможно, главную проблему современных национальных государств — недостаточную степень культурной гомогенности населения, которая раньше обеспечивалась посредством системы образования, военной службы и других рычагов. Теперь, в условиях резко возросшей гетерогенности, государству приходится искать новые возможности по управлению системой межэтнических отношений. Но это не свидетельствует о конце национально-

го государства, поскольку оно остается главным представителем сформированных наций²⁰. Правда, З. Бауман выражает тревогу по поводу утраты государством рычагов экономической политики²¹. Он подчеркивает, что национальные государства — единственный прозрачный институт, и если общественные силы приобретают транснациональность, они покидают сферу разумной деятельности и усиливают иррациональность и манипулирование при утрате общего контроля над ситуацией. Именно в неуправляемости мира, как уже отмечалось, усматривает он существо глобализации.

Пожалуй, наиболее интересно социал-реформистская критика неолиберального подхода в отношении государства выражена У. Беком. В качестве альтернативы неолиберальной модели У. Бек, правда, предлагает «космополитическое государство», в котором произойдет отделение государства от нации, или, точнее, от наций, если иметь в виду макро-региональную государственную структуру. Но критическая сторона его аргументации значительно сильнее. Бек обнаруживает внутреннее противоречие в неолиберальном понимании государства²². Выступая за минималистское государство, сбрасывающее с себя полномочия, неолибералы, на деле, нуждаются в сильном государстве, которое бы могло обеспечить действенный контроль за рыночной стихией и приватизацией общественного сектора. Все это должно быть санкционировано государством вопреки общественному сопротивлению. Эта мысль Бека действительно глубока. Всевозможные социальные программы в западных обществах были не плодом склонности к паразитизму, как это любят расписывать неолибералы, а выражением широкого социального консенсуса. Разрушить это можно, лишь породив раскол в обществе и массовое недовольство, которое мы теперь и наблюдаем в виде антиглобализма. В этом случае государство из выразителя национального единства должно превратиться в рычаг давления на общество, чтобы «заставлять свои народы принимать транснациональные правила игры». Кроме того, государство должно гарантировать безопасность проводимой политики от угроз экстремистского протеста со стороны обделенного глобализа-

цией «третьего мира» и не допускать, чтобы мобильность рабочей силы могла сравниться с мобильностью капитала. В итоге, как ни парадоксально, получается, что именно неолибералы заинтересованы в мощном милитаризованном и репрессивном государстве и жестком режиме поддержания непрозрачности границ.

Столь же оригинальной является критика антигосударственной риторики неолиберализма Я. Кларком²³. Для него эта риторика — лишь флер, а глобализация по своей сути является процессом политическим. Она формируется и осуществляется наиболее могущественными государствами во имя своих национальных интересов. Социал-демократы вообще выражают обеспокоенность судьбой национального государства в эпоху глобализации, способной разрушить основы социальной справедливости. Как указывает К. Кильюнен, сфера ответственности современного национального государства уже не сводится просто к поддержанию внутреннего порядка и внешней безопасности. Национальное государство стало «государством всеобщего благосостояния», которое должно обеспечивать социальное и духовное развитие своих граждан, и именно это стало новым источником его легитимности²⁴. Как пишет У. Хаттон, пока идеология, выработанная глобальными рынками, не стала предметом публичного обсуждения в национально-государственном поле, пока не услышан голос национальных общин, будет нарастать глобальная безответственность. Паневропейская публичная сфера пока что не сформировалась, и демократическая легитимность все еще формируется на уровне национальных государств²⁵.

Разделяя эту мысль, Г.-П. Мартин и Х. Шуманн подробно характеризуют ситуацию отступления государства под натиском ТНК. ТНК систематически проводят политику игры на разнице налоговых ставок и перевода прибылей за границу. Как с горькой иронией пишут авторы: «Демократически избранные правительства больше не принимают решений об уровне налогов; теперь люди, направляющие потоки капиталов и товаров, сами устанавливают размер вклада, который они согласны внести в расходы государства»²⁶. Политики же, не располагая достаточными сред-

ствами, оказываются в положении безответственных лиц. Создаются благоприятные условия для коррупции и процветания преступного глобального бизнеса. В результате репрессивные возможности, которые являются важнейшей функцией государства, работают в пользу частных лиц.

При стремлении меньше выплачивать государству, ТНК стремятся больше получить от него, претендуя на социальные субсидии в виде транспортной, природной, энергетической, социальной инфраструктуры, льготного предоставления земель, дотаций на научные исследования. Эти средства, естественно, изымаются из социальной сферы — культуры, образования, здравоохранения, пенсионного и социального обеспечения. А общественная инфраструктура имеет такую особенность, что ее не всегда можно регенерировать. То же касается и экологической обстановки. Г.-П. Мартин и Х. Шуманн опровергают утверждение К. Омаэ о конце национального государства, указывая на то, что сами главы корпораций в чрезвычайных ситуациях требуют вмешательства государственных органов. Система глобального рынка без государства обречена на провал, считают они. «Для противостояния корпорациям, картелям и преступникам необходима уравновешивающая мощь государства, пользующегося поддержкой большинства граждан»²⁷.

Отечественная социал-реформистская мысль также однозначно высказывается за сохранение прерогатив национального государства, полагая это особенно важным именно во время усиления давления глобализационных процессов. И.В. Данилевич пишет, что государство — это основной инструмент защиты национальных интересов и взаимодействия с другими государствами на мировой арене в решении глобальных проблем²⁸. А.А. Галкин не согласен с «реквиемом» неолибералов по национальному государству и указывает на опасность образовавшегося в результате отсутствия органов демократического контроля на глобальном уровне пространства, закрытого для демократических механизмов, в котором создается поле для эгоистических злоупотреблений и неконтролируемых дестабилизирующих влияний. Сказанное вполне справедливо: достаточно

вспомнить ту деструктивную роль, которую сыграли спекулятивные операции Дж. Сороса в дестабилизации европейской финансовой системы в 1992 г. А.А. Галкин утверждает, что в нынешних условиях противостоять тенденциям дробления общества и появления глобального авторитаризма можно лишь на национально-государственном уровне. «При этом, чем дееспособнее национальное государство, тем эффективнее выполнение им данной задачи»²⁹.

Так называемые «зеленые», скорее, пассивно относятся к проблеме сохранения национального государства. Государство характеризуется ими преимущественно негативно, в аспекте привилегий и давления на окружающую среду и свободу личности³⁰. Вместе с тем, если в начале 1980-х «зеленые» декларировали анархистское отношение к вопросам власти, и предпочитали действовать вне государственных структур в социальной сфере как таковой (П. Келли, Д. Симонэ), то в 1990-е годы «зеленым» пришлось разделить политическую ответственность с социал-демократами, поскольку защита национального государства в условиях глобализации оказалась одновременно и защитой окружающей среды.

В лагере неомарксистов, в число которых входят анти-и альтерглобалисты, нет единства в вопросе о судьбе национального государства. В его поддержку выступают многие альтерглобалисты, особенно те, кто занимается проблемами стран «третьего мира», где просто нет иных средств противостояния неолиберальной форме глобализации. Так, С. Амин однозначно определяет свою позицию: глобализация реализуется в разрушительной работе против национальностей и государства, поэтому защита социальных ценностей и борьба за демократию означает усиление самостоятельности государств³¹. При этом Амин высоко оценивает европейскую модель государства, считая, что, в отличие от американской, она предпочитает общественный компромисс, в связи с чем демократия получает реальное значение. Амин отмечает присущие современной экономике недемократические тенденции, такие, например, как экспансионистские стратегии или же волны слияний и поглощений в ущерб национальным интересам, и говорит о том, что

государство в этих условиях — единственная гарантия прозрачности³².

Солидаризуясь с этой позицией, известный социалист, публикующийся под псевдонимом «команданте Маркос», усматривает прямую связь между глобализацией и ослаблением национального государства. По его мнению, отмена торговых границ, взрыв развития телекоммуникационных средств, мировые компьютерные сети, могущество финансовых рынков, международные соглашения о свободе торговли — все это вносит свою лепту в разрушение национальных государств³³. От имени мексиканских сапатистов Маркос заявляет, что защита национального государства в условиях глобализации необходима, поскольку это — борьба против транснациональных финансовых, юридических и военных сращений и против приватизации общественных секторов и нарастания бандитизма. Показательно, что сапатисты, будучи сторонниками индейской автономии, защищают национальное единство и обвиняют правящий неолиберальный режим в намерении расчленить страну в угоду ТНК, отделив штаты, богатые нефтью. Врагом национального суверенитета для сапатистов выступает договор НАФТА³⁴.

Альтерглобалист Б.Ю. Кагарлицкий предлагает защищать национальное государство, поскольку только оно может осуществлять социальные программы. Как и левые социал-демократы на Западе, он исходит из того, что «общество не может быть рыночным», и что «общественный сектор невозможен без государственной собственности». Поэтому «демократическое обновление государства — естественный позитивный ответ на вызов глобализации». «Это заставляет левых становиться «патриотами», — делает вывод Б.Ю. Кагарлицкий. Он берет слово «патриотизм» в кавычки, поскольку, считает, что борьба за суверенитет не должна опираться на идею национализма. Главное для него то, что «без национального государства вообще не может быть демократии»³⁵.

Но многие другие представители анти- и альтерглобализма настроены против государства. М. Савас Мастас констатирует падение колыбели капитализма — национально-го государства — под ударами глобализации и отмечает, что

именно национальные правительства создали финансово-му капиталу возможности для действий на международной арене в надежде укрепить позиции своей империалистической страны в мировой экономике. Он утверждает, что национальное государство и его противник — глобализация, «взаимно поддерживают кризис, но они не могут ликвидировать друг друга в рамках структуры капитализма»³⁶. Для Саваса Мастаса ликвидация капиталистического национального государства есть фаза перехода к мировому коммунизму. В этой связи он возлагает надежды на взлет радикализма эксплуатируемых масс по мере нарастания процесса финансовой глобализации, углубляющей социальное неравенство в странах третьего мира. В свою очередь, Х. Радичи иронизирует над теми левыми, которые боятся потерять единственный политический инструмент, который доказал свою способность умирять капитал, и в ответ на глобализацию бросаются на защиту суверенных национальных государств, чтобы спасти от демонтажа экономические, социальные и политические завоевания трудящихся. По мнению Х. Радичи, «государство остается откровенно капиталистическим институтом, оно не является какой-то нейтральной структурой, стоящей в стороне от классового конфликта, и потому даже самые изощренные стратегии «работы изнутри», разрабатываемые левыми, имеют мало шансов на успех». Х. Радичи сомневается в самой возможности национальной альтернативы неолиберальной ортодоксии и считает перспективным разрыв с традицией поиска классовых альянсов в национальных рамках³⁷.

Но есть среди видных идеологов альтерглобализма прямо-таки ненавистники национального государства. Особенно этим отличается Н. Хомски. Он заявляет: «Национальное государство — это очень искусственная и деструктивная система. Достаточно взглянуть на европейскую историю. У Европы чрезвычайно кровавое прошлое, и в значительной степени из-за стремления учредить такие иррациональные образования, как национальные государства. Когда она попыталась экспортировать их и распространить на весь мир, там это привело к точно такой же кровавой и деструктивной истории, и эта история продолжается по сей

день»³⁸. Подобный экстремизм питается нигилистическим отношением Н. Хомского к представительской демократии, которую он считает господством элиты, предназначенным для того, чтобы сделать массы народа просто зрителями. Хомски уповает на демократию прямого действия. Парадокс состоит в том, что такую «прямую демократию» всегда принимались ограничивать именно борцы за ее установление, будь то античные демократы или французские революционеры.

Среди отечественных авторов преимущественно негативно относится к национальному государству А.В. Бузгалин, у которого не встретишь пассажей о необходимости поддержки национального государства, скорее наоборот. В этом смысле он продолжает традиции троцкистской мысли. Скептически относится к возможностям национального государства также М.Г. Делягин, но по другим причинам. Он считает, что государство в принципе не может эффективно регулировать национальные монополии. Что же касается транснациональных монополий — тут у национального государства совсем нет никаких перспектив. Перспективу М.Г. Делягин видит подобно левым реформистам в создании общественных систем саморегулирования на наднациональном уровне³⁹. При этом он сознает, что «это в принципе изменит содержание таких понятий, как суверенитет, государство и Родина; естественно, это изменит всю модель взаимодействия национального государства с региональными и мировыми международными организациями». Остается, однако, не ясным, сумеют ли справиться с монополиями общественные транснациональные структуры, если с ними не справились национально-государственные. Отказаться от национального, да и националистического защитного механизма не долго, тем более, из лучших побуждений. Вот только сработает ли глобальный?

Подводя промежуточные итоги, можно констатировать следующее: современный совокупный дискурс о судьбе национального государства в эпоху глобализации, во-первых, формируется на основе взаимной критики его участников,

во-вторых, подавляющее число участников дискурса ведут речь о глобализации не как о всемирном историческом процессе, а о ее современной стадии, в-третьих, сами дискурсы выстраиваются по принципу «за» и «против» глобализации, а участники дискурса, в четвертых, сосредотачивают основное внимание не на определении социально-исторической сущности и формах глобализации, а на ее различных последствиях для судеб современного мира, в том числе — для современных наций и национальных государств. Аналогичное заключение можно сделать и относительно дискурсивного пространства академических исследований, конфигурация которого определяется не приверженностью авторов одной из нескольких идейно-политических традиций, а использованием идеологически «нейтральных», но содержательно различных парадигмальных образцов исследования. При этом количество используемых «парадигм» с трудом поддается исчислению, в том числе и по причине произвольного употребления этого термина.

Так, с точки зрения автора фундаментальной монографии «Глобализация и национальные государства» Р. Дж. Холтона, в совокупном академическом дискурсе о глобализации доминируют две «парадигмы»: *парадигма «исторического поиска глобальных структур и сетей»*⁴⁰, и *парадигма «представления о мире как едином месте»*⁴¹. В свою очередь, В.С. Малахов считает, что все «теории глобализации», а также критические замечания в их адрес, можно свести к двум основным социологическим парадигмам: *структурно-функциональному анализу и марксистской традиции*⁴². Существуют и более детальные и, на мой взгляд, более точные типологии академического дискурса, согласно которым в научном сообществе сосуществуют, конкурируя между собой, «универсально-эволюционистский», «социально-синергетический», «мир-системный», «социокультурный» (цивилизационный), «социоэкономический» (формационный), «техницистский», «модернистский», «геополитический», «геоэкономический» и «интегральный» подходы к изучению глобализации, каждый из которых опирается на различные концептуализации истории человечества, имеет свои авторские варианты⁴³. Но и эта типология, естественно, не является исчерпывающей.

Таким образом, в отечественном и зарубежном научном сообществе нет единства взглядов на природу, формы, характер и направления эволюции ни «глобализации», ни «наций», ни «национальных государств». Соответственно, нет и общепринятых концепций указанных исторических феноменов, и тем более работ, *специально исследующих диалектику их формирования и коэволюции в прошлом и настоящем.*

В этих условиях перспективы изучения исторической диалектики глобализации и национального государства связаны, по мнению Ю.Д. Гранина, с выходом в сферу трансдисциплинарных исследований — сферу социальной философии, в пределах которой глобализация интерпретируется как *«мегатенденция к географическому распространению и поэтапному объединению цивилизационно, экономически, культурно, политически и иначе разделенного человечества в потенциально возможную глобальную (планетарную) общность»*⁴⁴, реализующаяся в череде предметно-практических и духовных попыток организации или реорганизации общего пространства совместной жизни народов на основе принятых в качестве «универсальных» ценностей, норм и институтов общежития, выработанных в пределах той или иной цивилизационной модели развития.

Примечания

¹ Bauman Z. Globalizacja, czyli komu globalizacja, a komu lokalizacja // Studia socjol. W-wa, 1997. N. 3. S. 55.

² Такой же оценки придерживается В.В. Загладин (см.: *Загладин В.В.* После трансформации мира в XX веке грядут новые глубокие перемены // Наука. Общество. Человек. М., 2004).

³ См.: Робертсон Р., Хондкер Х. Дискурсы о глобализации: предварительные размышления. Глобализация: контуры XXI века. М., 2004. Ч. I. С. 128.

⁴ См.: Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж. Глобальные трансформации. Политика. Экономика. Культура. М., 2004.

⁵ См. там же. С. 5.

⁶ См.: Лакашук И.И. Глобализация и государство // Журнал российского права. 2001. № 4. С. 67.

⁷ Ноженко М. Национальные государства в Европе. СПб., 2007. С. 134.

⁸ См.: Гидденс Э. Навстречу глобальному веку // Отечественные записки. 2002. №6. С. 436.

⁹ Другие сторонники данного подхода считают, что на современном этапе власть следует понимать «только как отношения сотру-

- ничества между правительством государства и властью международных организаций» (*Лакашук И.И.* Глобализация и государство // Журнал российского права. 2001. № 4. С. 66).
- ¹⁰ См.: *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2001.
- ¹¹ *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004.
- ¹² *Спикер М.* Глобализация и развитие: перспективы христианской социальной доктрины // Глобализация и столкновение идентичностей. М., 2003.
- ¹³ См.: *Дракер П.* Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999. С. 67 – 101. В отечественной литературе аналогичного мнения придерживается П.Г. Щедровицкий. Он убежден, что «национальные государства не соответствуют требованиям постиндустриального общества», которое будет формироваться на основе некоего «постнационального государства», и которое автор считает оптимальным и для России (см.: *Щедровицкий П.Г.* Бунт капиталов // Эксперт. 2000. № 23. С. 47).
- ¹⁴ См.: Джордж Сорос о глобализации. М., 2005.
- ¹⁵ Первая глава его книги так и называется – «Картографические иллюзии» (см.: *Омаэ К.* Конец национального государства: становление региональных экономик // Глобализация: контуры XXI века. М., 2004. Ч. I. С. 211 – 220).
- ¹⁶ См.: *Киссинджер Г.* Нужна ли Америке внешняя политика? М., 2002. С. 6, 235, 242.
- ¹⁷ *Райх Р.* Труд наций // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999. С. 506 – 527.
- ¹⁸ *Иноземцев В.Л., Караганов С.А.* О мировом порядке XXI века // Россия в глобальной политике. 2005. № 1. С. 9, 15.
- ¹⁹ *Гречко П.К.* Понятие «мирового порядка» в контексте глобальных преобразований // Глобализация и мультикультурализм. М., 2005. С. 41.
- ²⁰ См.: *Хирст П., Томпсон Дж.* Глобализация и будущее национального государства // Глобализация: контуры XXI века. М., 2004. Ч. I. С. 200 – 210.
- ²¹ См.: *Бауман З.* Глобализация: последствия для человека и общества. М., 2004. Гл. 3.
- ²² См.: *Бек У.* Трансформация политики и государства в эпоху глобализации // Свободная мысль. 2004. № 7.
- ²³ *Clark I.* Globalization and fragmentation: International relations in the twentieth century. N.Y. etc.: Oxford univ. press, 1997. P. X.
- ²⁴ См.: *Kiljunen K.* Global governance. Helsinki: Inst. of development studies, 1999. P. 5.
- ²⁵ См.: *Хаттон У.* Мир, в котором мы живем. М., 2004. С. 390 – 391.
- ²⁶ *Мартин Г.-П., Шуманн Х.* Западная глобализация. М., 2001. С. 265.
- ²⁷ Там же. С. 294 – 295.
- ²⁸ См.: *Данилевич И.В.* Государство в условиях глобализации и депендентализации // Транснациональные процессы: XXI век. М., 2004. С. 239.

- ²⁹ Галкин А.А. Национальное государство в изменившихся условиях // Транснациональные процессы: XXI век. М., 2004. С. 14.
- ³⁰ «Зеленые»: идеология и политика. М., 1985. С. 49.
- ³¹ См.: Амин С. Пять тезисов // Антиглобализм: новые повороты. М., 2005. С. 210.
- ³² См.: Глобализация сопротивления. М., 2004. С. 229.
- ³³ Подробнее см.: *Субкоманданте Маркос*. Другая революция. Сапатисты против мирового порядка. М., 2002.
- ³⁴ См. там же. С. 14, 20.
- ³⁵ Кагарлицкий Б.Ю. Перспективы: социализм или варварство // Альтернативы. 1999. № 4. С. 7 – 8.
- ³⁶ Савас Мастас М. Глобализация как переход к социализму // Альтернативы. 2000. № 3. С. 14 – 15.
- ³⁷ См.: Радичи Х. Глобализация, труд и социалистическое обновление // Альтернативы. 2001. № 4. С. 43 – 45.
- ³⁸ Хомски Н. Политика языка // Керни Р. Диалоги о Европе. М., 2002. С. 60.
- ³⁹ Практика глобализации. М., 2000. С. 208 – 214.
- ⁴⁰ В пределах которой глобализация интерпретируется как достаточно «старый», берущий начало в 15 – 16 веках, процесс установления межконтинентальных и кросскультурных сетей взаимодействия (см.: *Holton R.J. Globalization and Nation-State*. N.Y., 1998. P. 23 – 24).
- ⁴¹ Используя которую, исследователи основное внимание уделяют изменению представлений о мире, распространению идеи «единого сообщества» (single community) (см.: *Holton R.J. Globalization and Nation-State*. P. 35 – 36). Наиболее ярким представителем этой парадигмы Холтон считает одного из основоположников академических исследований глобализации Роналда Робертсона.
- ⁴² См.: Малахов В.С. Государство в условиях глобализации. М., 2007. С. 23.
- ⁴³ Подробнее см.: *Гранин Ю.Д.* Глобализация и национализм: история и современность. Социально-философский анализ. Автореф. дисс. д. филос. н. М., 2008. С. 19.
- ⁴⁴ *Гранин Ю.Д.* «Глобализация» или «вестернизация»? // Вопросы философии. 2008. № 2. С. 5.